

ГОРОДСКАЯ ПРОЗА

DNB

patagonia

MASTERS

MASTERS

MASTERS

Максим

САБЛИН

КРЫЛАТЫЕ КАЧЕЛИ

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С12

Саблин, Максим.

С12 Крылатые качели / Максим Саблин. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 544с. — (Городская проза).

978-5-17-112736-7

Федор хочет вырастить сына мужчиной, а не опекать его как тепличный цветок. Но в воспитание внука вмешивается бабушка — властелин подушек и душитель сквозняков. Сладить с тещей нелегко — в мире нет материала крепче, чем убеждения старой женщины. Федор не сдастся, однако позиции его слабеют с каждым днем. Красавица жена отказывается ему помогать и ухаживать. С сыном ему запрещают видеться... Федор начинает настоящую войну против жены и тещи и идет защищать права отца в суд. Вопрос лишь в том — выиграет ли он? Сможет ли вернуть свою жизнь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

978-5-17-112736-7

© Текст. Максим Саблин, 2019
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

*Все имена и события, описанные в книге,
являются вымышленными, любое совпадение
случайно и непреднамеренно.*

*Всем, кто избрал трудную, но почетную
профессию мореплавателя: юнгам и штурманам,
капитанам и их помощникам, механикам
и простым матросам, грузчикам, кочегарам
и подмастерьям, плотникам, парусным мастерам
и кокам я посвящаю этот роман.
«Призрак и миссис Мьюр»*

Федор Ребров, известный московский адвокат, был добродушным маленьким толстяком с умными светло-кариими глазами. Каждое утро он вертелся перед икеевским зеркалом в прихожей, брызгал волосы лаком и надевал дорогой костюм. Одевшись, он целовал высокую красавицу жену, ерошил светлые волосы сына и ехал на работу.

В юности Федор Ребров мечтал о другой жизни. Он считался одаренным физиком и мечтал полететь к звездам.

Поступив на юридический факультет Московского университета, он не переживал о былых мечтах

и только изредка вздыхал, глядя в ночное звездное небо. К тридцати годам, раскидав дела и устаканив жизнь, он огляделся по сторонам и вдруг заметил, что сын его расхотел мечтать.

Иннокентий был к тому времени толстым семилетним мальчишкой, ходил с большим ранцем в первый класс и на вопросы отца о мечте удивленно спрашивал: «Зачем?» Не особенно зная, как растормошить маленького умника, Федор твердо решил записать сына на велоспорт. «Мечтать, может, не научится, но точно похудеет!» — решил адвокат.

Он договорился с университетскими друзьями, писателем Мягковым и прокурором Богомоловым, устроить на велотреке в Крылатском детскую гонку, а заодно показать сына своему старому тренеру.

2

Третьего сентября две тысячи тринадцатого года погода в Москве стояла пасмурная и холодная. Федор, накинув на плечо спортивную сумку, выскочил из офиса и, мельком заметив нищих у ворот Богоявленского собора, быстро прошел к старинному скверу на другой стороне Спартаковской.

Деревья после утреннего дождя блестели от влаги. По дорожкам сквера прогуливались клерки. Протяжно пиликал светофор. Иннокентий в дутом пуховичке-перевертыше и резиновых сапожках гонял голубей у памятника Бауману. Теща Федора, маленькая

худенькая бабушка, полная тревог и заблуждений, сидела на скамеечке и, постукивая веточкой по бантику башмачка, зорко наблюдала за происходящим. Недоумова Эрида Марковна в своем зеленом пальто с меховым воротником и чуть набекрень сдвинутой колокольчиковой шляпой с розой имела невинно-чарующий взгляд Греты Гарбо.

— Ох-ох, здравствуйте, Федя, — сказала она, растягивая губы в улыбке.

— Здравствуй, Эрида Марковна.

Федор присел на корточки перед сыном и ослабил ему туго завязанный шарф. Коротко объяснив дело, Федор взял Иннокентия за руку и повел к низенькому чугунному заборчику, за которым блестел каплями воды черный «мерседес».

Сын скакал на одной ножке. Щеки его покраснелись, изо рта клубился пар, красная шапка с пампушкой съехала на глаза. Когда Федор уже раскрыл блестящую дверцу машины, к ним подбежала Эрида Марковна и, цепко схватив мальчика за рукав, сказала:

— Я запрещаю велоспорт!

«Кто бы сомневался!» — подумал Федор.

Слово Эриды Марковны имело большой вес в их семейном парламенте, в дебатах она не участвовала, но, несмотря на это, нескромным образом пользовалась своим гегемонством. Федор вспомнил, как смеялся с друзьями: «Вы думали, старая больная женщина из дремучей деревни старообрядцев ни при каких

условиях не способна определять жизнь выпускника Московского университета, человека довольно прогрессивного и здравомыслящего? — говорил он, улыбаясь. — Еще как способна! Стоит любимой жене вослед за своей мамой повторить: „Я запрещаю“, как все твои идеи по воспитанию сына катятся в тартарары! Да-да! Таков закон!»

— И как вам вместе жить? — спрашивал Мягков. — Как тогда воспитывать сына?

Впрочем, в этот раз Федор, давно зная мнение Недоумовой, имел в рукаве козырь.

— Эрида Марковна, я договорился с Пелагеей, — спокойно сказал он, рассеянно разглядывая розу на шляпе тещи. — Мы, *родители мальчика*, решили отдать Иннокентия на велоспорт, — мягко сказал он. — Пожалуйста...

— Пелагея *мне* ничего не говорила! — перебила Недоумова.

Теща не выпускала рукавчик Иннокентия из своих коротких пальцев, намекая на необходимость звонка *ей* от самой Пелагеи. Скрывая досаду, Федор сильно пнул желтый камушек и проследил, как, стуча и вертясь, тот проскакал по асфальту, булькнув в мутную лужу. Взглянув на часы, Федор позвонил жене и передал телефон теще.

Эрида Марковна повернулась спиной и заговорила в трубку, ошибочно думая, что ее не слышат. «Куча потных мужичков едут друг за другом, разбиваются, ломают себе спины. Ничего себе перспектива для

ребенка! — возмущалась она. — А водить кто?.. Ты??? Скажи, что Иннокентий покашливает!»

Через минуту Пелагея своим красивым низким голосом сообщила Федору, что запрещает забирать сына.

— Он покашливает, — сказала она.

Федор проводил взглядом тещу и сына и, сев в машину, поехал в Крылатское, решив, что вечером должен поговорить с женой.

3

Пока машина тыркалась в пробках, Федор дремал. Примерно через час он проснулся и, потянувшись, посмотрел в окно на приземистое здание, похожее на гигантского ската. Неожиданно он почувствовал томление в груди, как бывает, когда после долгих лет скитаний видишь место, где провел долгие годы, был любим и сам любил и навек оставил частицу сердца. Это был построенный к московской Олимпиаде велотрек. Федор почувствовал, как глаза увлажнились, и часто заморгал.

«Мерседес» повернул в лесок, плавно съехал с небольшой горки и остановился у стеклянных дверок, тех, что захлопывались пружиной и вечно норовили прихлопнуть велосипед.

В квадратном холле сильно пахло краской и побелкой. Маляры расстилали полиэтилен у стены, группа бегунов слушала инструктора. Обходя заляпанные лестницы, Федор не удержался и взглянул на стену.

Да, его фотография все еще там висела. Он был худым и широкоплечим, с мечтательным взглядом, чемпионом Европы среди юниоров. Федор вспомнил, как обошел на последнем круге будущего чемпиона мира Капитонова, и довольно крикнул.

Он спустился в темную арку, похожую на цирковой выезд, и услышал знакомый гул колес и запах железа.

4

Илья Мягков, высокий худой парень с хипстерской рыжеватой бородкой, вылитый Клинт Иствуд, оперся вытянутыми руками на бортик легкоатлетического манежа и смотрел на играющих в бадминтон.

Он обернулся и вопросительно взглянул на Федора.

— Покашливает! — хмуро сказал Федор. — Что вообще происходит, Илья? — добавил он, поставив спортивную сумку на бортик. — Почему детей воспитывают женщины?

Илья посмотрел с таким видом, словно думал про себя: «Мне бы твои проблемы».

— А что собой представляет теперь мужчина, Федя? — спросил Мягков, вытягивая шею из жавшего ему воротника рубашки. — Все на свете открыто. Наша жизнь известна с самого первого дня и до последнего. Мы только и думаем, где бы найти работу постабильнее, — вот что есть мужчина. Скукота! Цивилизация размягчила нас. А попробуй выбрать мечту, так какая-нибудь старая больная Кизулина...

Илья, улыбнувшись, взглянул на Федора. Старая больная Кизулина была тещей Мягкова и родной сестрой Эриды Марковны. Немезида Кизулина отличалась от сестры только тем, что была депутатом Госдумы и главой комитета по семейной политике, детству и материнству.

— Ладно, а где наш Плохой? — спросил Федор, оглядываясь и размышляя, почему ему всегда так хочется позлорадствовать над Петькой Богомолковым.

— Пишет свои притчи! — засмеялся Илья Мягков, засунув руки в твидовый пиджак.

В Московском университете их троицу называли как в фильме Серджи Леоне: Хороший, Плохой, Злой. И правда, прищуривая глаза, Мягков становился Иствудом, Богомолов с курительной трубкой — вылитый Ван Клиф, а Федор бывал не в меру суетлив, как и Уоллак.

Началось все с Мягкова, когда старушенция с кафедры конституционного права погладила по голове широкоплечего высокого парня и с умилением сказала: «Какой хороший мальчик!» Студенты, знающие, что Мягков в прошлом никак не был хорошим мальчиком, не могли сдержать смеха. Впрочем, он посмотрел на них, и смех прекратился.

Со временем университетские ковбой женились, и поезд на Эль Пасо уехал без них.

— Прочти, что он в WhatsApp написал, — сказал Мягков, которому легко передалось злорадство касательно Богомолова. — Не представляю, как

Миловидова живет с ним? — Илья по старинке называл Анну студенческой фамилией.

Федор нажал зеленую иконку, открыл их чат, где на аватарке были Вицин, Никулин и Моргунов, стоящие у пивного ларька, и прочел два сообщения от Богомолова. Вначале шла бесконечно скучная притча о том, что нельзя отменять договоренности с друзьями. Федор, зевая, прочел ее. Во втором сообщении писалось, что Богомолову надо завтра в шесть вставать и он отказывается от договоренности на вечер. В этом был весь Петька.

— Не обвинил — и то хорошо, — сказал, хмыкнув, Федор.

Им обоим было неловко обсуждать друга в его отсутствие, но очень хотелось. Став большим человеком, Богомолов, и раньше странный, превратился в совершенно невыносимого. Пару месяцев назад он со страшной обидой, как все было в нем — черное или белое, обвинил их обоих в предательстве по причине столь мелкой, сколь и курьезной. Он пригласил их по старой университетской традиции в лучшую баню Москвы. Лучшая баня Москвы странным образом всегда кочевала в то место, где проживал Богомолов. Когда друзья вежливо намекнули на это Петьке, то были прокляты им, и он парился один.

— Так, а ты дописал свою книгу? — спросил Федор.

В это время из маленькой будки подошел мужчина-администратор и уточнил про аренду нижнего манежа. Федор несколько минут говорил с ним.

— Не дописал, но допишу, — сказал Мягков, когда Федор освободился. — Ты мне лучше скажи, где новые Беллинсгаузены и Колумбы? Где те безумцы, что готовы променять мягкую постель на корабельные койки? Ты? Я? Петька? Женя Грибоедов?

— А может, мы и есть новые Беллинсгаузены и Колумбы? — миролюбиво заметил Федор. — Достал ты с моряками. Жизнь — другая.

Мягков, взъерошив пятерней бороду, отвернулся. После окончания юрфака друг Федора решил стать писателем и, к ужасу своей тещи, твердо следовал курсу. Уже восемь лет он писал роман про безумца-моряка, что построил из дуба кораблик, посадил туда жену, маленького сына и двух зеленых попугаев-неразлучников и поплыл — где рекой, где морем, где волоком — из Москвы в Австралию. Безумец-моряк как раз думал, как декларировать попугаев на таможне: новый Беллинсгаузен-Мягков забыл их привить.

«Странные люди эти писатели, — думал Федор, глядя на друга, грызущего ноготь. — Нью-йоркских банд давно нет, но каждый год появляется роман об Аль Капоне. Жизнь поменялась. Люди арендуют яхты и летают на самолетах, люди работают юристами и программистами. Какие моряки? Время великих открытий кончилось!»

Оба молчали, продолжая думать каждый в своем направлении. «Писал бы лучше сценарий своей жизни», — думал Федор, осуждая безработность друга.

«А я верю в мечту», — мысленно возражал Илья, считая юриспруденцию пустой тратой жизни.

5

«Пора начинать, — решил Федор и огляделся в поисках Анж. — Черт, детский праздник без своего ребенка имеет привкус горечи».

У теннисного стенда он заметил высокую тонкую девушку в синих джинсах, жену Мягкова. Кира была рыжеволосой красавицей с голубыми глазами и веснушками. Она оживленно разговаривала с Изабеллой Недотроговой, неуверенной женщиной, рано утратившей свежесть. Женщина была первой женой Петьки Богомолова, лучшей подругой Пелагеи и классной руководительницей Иннокентия. «И как она научит моего сына математике? — подумал Федор, скривившись. — Она же неспособна разобраться, в какую сторону открывать дверь в магазине». Белла натужно улыбалась словам подруги (Кира всегда говорила только о своей дочери) и, близоруко прищурившись, оглядывалась по сторонам.

Около них козочкой прыгала дочь Мягкова — Анжела, наряженная как принцесса. Взглянув на нее, Федор почувствовал небольшое раздражение: девочка почему-то напоминала ему Эриду Марковну.

Послышался свист — администратор в противоположном конце зала поднял над головой маленький велосипед. Федор кивнул и вдруг заметил почти прямо